

ВЛКСМ, а я с ним был связан — много раз брал интервью, ездил с ним в поездки. Он был очень общительным, интеллигентным человеком.

К.А. — Когда Мотю забрали, я целую ночь проревела. Утром побежала в редакцию, а мне говорят: "Вы тоже можете на работу больше не выходить, мы жен врагов народа на службе не держим". Утерла я слезы и — в Бутырки.

М.Я. — Там у нас было одно-единственное свидание. Я чувствовал себя виноватым перед Клашей и просил ее забыть меня. То, что ее с работы выгнали, она мне не сказала. Зато сказала: "Куда бы тебя ни послали, я к тебе приеду".

К.А. — И я приехала. От Москвы до Троицко-Печорска — места его ссылки — добиралась месяц и 13 дней.

М.Я. — Было где-то около 12 часов дня. Я, Ярослав Смеляков и Николай Асаков сидели и делали газету (удивительно смешно сейчас это звучит), и вдруг слышу Клашин голос: "А где тут у вас заключенные?" Я чуть с ума не сошел.

К.А. — Я первая из опальных жен приехала в эту ихнюю Покчу — так деревня называлась.

М.Я. — После убийства Кирова в эту деревню, по-моему, сослали все остатки бывших аристократов. Смеляков тогда написал:

*Им высший свет был много ближе,
Знавали весь бомонд страны,
Мечтали жить под крышами Парижа,
И вот живут у покчинской сосны.*

К.А. — Поселились мы с Мотей на сеновале, а Ярослав и Коля жили внизу в хате. Разрешение у меня на свидание было всего на три часа, а прожила месяц.

М.Я. — Я отсидел 3 года и 2 месяца — такой у меня был срок. Получил паспорт и уже сидел на берегу, ждал парохода. Все изменила встреча с начальником лагеря — генералом Корнеевым: "Куда вы, Грин? Вы что, газет не читаете?" Убедил он меня: домой ехать опасно. Остался на Печоре. Работу мне дали в Управлении снабжения. Там был потрясающий отдел — 60 евреев-хозяйственников. Дал телеграмму жене — она приехала. Прожили мы на Печоре год и решили съездить в Москву в отпуск. А паспорт у меня был — минус 64. Это значит в 64 городах страны жить я права не имел.

К.А. — И в Москве, конечно, тоже. Но он очень хотел в Москву, и мы поехали. Квартира наша, конечно, пропала. Рисковые мы были, молодые. Терять было нечего. Я очень спокойно относилась к самым авантюрным Мотиним решениям. А чего? Одна судьба — одна любовь. Как на Красную площадь вышли, я сразу поняла — никуда он из столицы не поедет. И когда он мне сказал об этом, я с ним согласилась. Поселились у моих родителей.

М.Я. — Я сходил в отдел печати ЦК, оставил там заявление, просясь на любую должность. В конце концов попали мы в Грозный, где, кстати, я тоже не имел права жить. Работал в "Грозненском рабочем", потом спецкором "Советского искусства" по Крыму и Кавказу. Но уже подходил 1949 год — борьба с космополитизмом. Меня опять отовсюду уволили, а потом и арестовали — 13 месяцев просидел в одиночке, пока не попал в лагерь на Северный Урал. Там был театр заключенных, возглавлял его народный артист СССР Головин, знаменитый баритон Большого театра. Я работал завлитом, потом, после Головина, принял театр. Об этом периоде рассказано в моей книге "Театр за колючей проволокой".

К.А. — Мотя отсидел с 22 июня 1949-го по 23 апреля 1954 года. Когда Бог призвал Сталина к ответу, из лагерей начали освобождать людей. Мотя дал телеграмму. Я прибежала встречать его на Курский вокзал. Мотя вышел из вагона в лагерьном... Бросились мы друг к другу, плачем...

М.Я. — Когда я получил деньги — компенсацию за заключение, купил Клаше у одной артистки Большого театра заграничные часы! Как я был счастлив, что мотю ей сделать дорогой подарок!

К.А. — Я их сейчас внучке подарила — часы, говорят, синоним жизни, пусть у нее любовь счастливой будет, как у нас с Мотей.

М.Я. — Жизнь не баловала нас: вся молодость — как не бывало, сын рос в семье "врага народа". А Клаша сумела его в невыносимых условиях человеком большой культуры воспитать... Вот уже и 82. Конечно, мы изменились. Но это видят только посторонние, а друг для друга мы все те же.

Рассказ супругов Грин записала Галина ЗАМКОВЕЦ.

На снимках: сверху — Клавдия и Матвей Грин на отдыхе в Сухуми; внизу — такими они были, когда познакомились.

Веч. выпуст. - 1995 - 70
Издник - С. 7

Клавдия и Матвей ГРИН:

«Конечно, мы изменились. Но друг для друга — все те же»

Матвею Яковлевичу Грину исполнилось восемьдесят три года. Вся его жизнь связана с нашей эстрадой: он автор книг и очерков, многочисленных монологов и скетчей. Ему единственному из эстрадных авторов присвоено звание "Заслуженный работник культуры России".

Писатель, педагог, общественный деятель, Матвей Яковлевич прожил сложную, сталинским ГУЛАГом покоренную жизнь, но, несмотря ни на что, сохранил веру в добро и людей. Он энергичен, полон творческих планов и по-прежнему принимает участие в концертных программах Московского театра эстрады.

Интервью я решила взять в кругу семьи "новорожденного". Матвей Яковлевич и его супруга Клавдия Алексеевна живут вместе шесть десятков лет — в любви и согласии.

— Матвей Яковлевич, а вы помните, как все началось?

— Еще бы. В 1934-м я работал очеркистом в "Наших достижениях". Главным редактором у нас был Горький. Возвращаюсь как-то из командировки, а ребята из "Известий" мне сообщают: "У нас такая диетсестра в кафе появилась — умереть мало. Вот только ни с кем знакомиться не хочет". А я им: "Это потому, что вы не умеете". Идем в кафе, я подхожу к девушке и говорю: "Сегодня в "Эрмитаже" американский джаз "Шоколадные ребята". Я вас приглашаю. Начало в 7.30, жду в 7.15".

— И вы пришли, Клавдия Алексеевна?

— Честно говоря, не хотела. Уж очень начальным показался парень. Но за пять минут до начала пришла...

М.Я. — После концерта мы часа полтора таскались пешком до ее Пироговки. И я сказал: "На днях меня должны забрать в армию, если не заберут — я на вас женюсь". Горький попросил оставить меня в редакции, поэтому в армию я не попал. Зато женился.

К.А. — Только недолго мы пожили. В ночь на 1 мая 1935 года вернулись из гостей, а дома свои "гости".

М.Я. — Уже убили Кирова и в "воздухе пахло грозой". Я ждал событий. К этому времени взяли многих... И Косырева, генсека ЦК

